

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 4

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
21 ЯНВАРЯ

Рис. А. Радакова.

НѢМЕЦКАЯ УТИЛИТАРНОСТЬ.

Кайзеръ: — Эй, кто тамъ! Если получилась послѣдняя американская нота съ протестомъ — давайте скорѣй!

Л Е Т Ч И К Ъ.

I.

Тонули сонные луга
 Въ сѣдыхъ предутреннихъ туманахъ.
 Свободно взмыли два врага
 На боевыхъ аэропланахъ.
 Кружась высоко въ облакахъ,
 Они увидѣли другъ друга, —
 Пронзилъ сердца невольный страхъ,
 И крылья дрогнули упруго,
 Но волей сжатые рули,
 Мгновенно измѣнивъ кривую,
 Неудержимо повели
 Враговъ на схватку роковую...
 И сухо въ небесахъ нѣмыхъ
 Заговорила митральеза...
 О, клекоть аистовъ стальныхъ!
 О, говоръ волею земныхъ
 Въ лазурь подъятаго желѣза!...

II.

Прямой воздушною стезей,
 Какъ по незримому уклону,
 Стремится воинъ удалой
 Изъ выси блѣдноголубой
 Къ родной землѣ, къ родному лону:
 Его замѣтилъ карауль,
 Взялъ на него прицѣль наводчикъ,
 Взвилась шрапнель, — но не свернула
 Съ дороги ровной гордый летчикъ.
 Зачѣмъ летить во вражій станъ?
 Зачѣмъ — безуменъ и безстрашенъ —
 Снижаетъ свой аэропланъ
 Вблизи врагомъ изрытыхъ пашенъ?
 Быть можетъ — ястребъ съ высоты —
 Онъ ринулся въ дерзаньи яромъ
 Снести бетонные форты
 Однимъ стремительнымъ ударомъ?!
 Врага смущаетъ смѣлый летъ:
 Все нервнѣй выстрѣлы пѣхоты,
 Шрапнель все чаще воздухъ рветъ
 И льются дробью пулеметы.
 ...
 ... Приземился подъ градомъ пуль.
 Кричать: «Сдавайся!» Ждутъ отпора,
 А онъ молчитъ, склонясь на руль
 У изнемогшаго мотора...
 Что для него огонь земли? —
 Онъ страхъ забылъ подъ облаками,
 Зажавъ покорные рули
 Окоченѣлыми руками:
 Искусно въ полѣ межъ преградъ
 Онъ опустилъ свой аппаратъ,
 Мертвецъ, прострѣленный навзлетъ. —
 О, кто жъ тебѣ, лихой солдатъ,
 На грудь за подвигъ крестъ пришилъ?!...

Красный.

КА Д Р И Л Ь С Л О Н О В Ъ.

Когда шумъ немного улегся, на кафедре взошелъ человекъ, за что-то оставленный при университетѣ, и выпилъ стаканъ воды.

— Господа, — нерѣшительно сказалъ онъ, — я нашелъ одно неизданное стихотвореніе.

— Я написалъ четыре тома неизданныхъ стиховъ Пушкина, — обидѣлся одинъ изъ присутствующихъ пушкинианцевъ. — Могли бы прозой заняться, а вы къ стихамъ лѣзете.

— Каждый самъ себѣ современникъ, — хмуро отвѣтилъ ораторъ, — что нашелъ, то и нашелъ.

И продержавъ недолгую паузу, онъ прочелъ:

— У меня была собака,
 Я ее любилъ.
 Она съѣла кусокъ мяса,
 Я ее убилъ.

— Поставимъ на голосованіе, — миролюбиво предложилъ предсѣдатель собранія, — тогда все и выяснится.

— Что на голосованіе?

— Собаку.

— Почему же собаку?

— Ну, мясо.

Такъ какъ предсѣдатель былъ очень ученый профессоръ и зналъ наизусть юношескіе стихи Гончарова, которыхъ тотъ не писалъ, — изъ уваженія къ нему проголосовали. Учащаяся молодежь бурно запротестовала.

— Долой собаку, не надо собаку... Прошло уже время, когда...

Стали брать слово представители различныхъ литературныхъ теченій.

* * *

— Кто кормитъ свою собаку мясомъ? — грустно спросилъ представитель гражданской поэзіи.

— Я кормлю, — растерянно отозвался человекъ, оставленный при университетѣ, — такъ и въ подлинникѣ сказано: у меня была собака, я ее любилъ.

— Теперь нѣтъ мяса въ продажѣ. А если у васъ есть складъ мяса для собакъ, вы обязаны установить для нихъ очередь. Собака пролетарія и собака статскаго совѣтника суть разныя собаки. И если одна приписана къ податному сословію, а другая аристократической крови...

— Я поступилъ съ ней сурово. Въ подлинникѣ сказано: она съѣла кусокъ мяса — я ее убилъ.

— Довольно крови. Вы не имѣете права убивать животное, не передавъ дѣло на разсмотрѣніе суда чести.

— Это замыселъ автора.

— Въ наше время скромное потребительское общество лучше авторскаго замысла. Такъ говоритъ колесо исторіи. Я кончилъ.

* * *

Молодой критикъ возражалъ по существу.

— Прежде всего, собака не могла съѣсть мяса. Я самъ видѣлъ, какъ на бойнѣ закололи послѣднюю буженину и продавали ея телятину чуть ли не по литрамъ.

— Это произведеніе XVIII вѣка.

— Почему же вы до сихъ поръ молчали? Двѣсти лѣтъ носили его въ карманѣ, а теперь, когда литература сдѣлалась бульварной — открыли...

— Мнѣ только тридцать два года.
 — А мнѣ семьдесятъ четыре, — глубоко обидѣлся пред-
 сѣдатель. — Ставлю на голосованіе.
 — Кого?
 — Собаку, — упрямо отвѣтилъ предсѣдатель.
 — Ставили.
 — Ну, XVIII вѣкъ.
 Почтили восемнадцатый вѣкъ вставаніемъ.

* * *

Представители новыхъ славянскихъ теченій въ поэзіи шумно поддерживали докладчика.

— Привѣтствуемъ новое черноземное слово, — весело сказалъ одинъ изъ нихъ, подходя къ кафедрѣ, — привѣтствую полевой языкъ лѣсовъ родины. Была собака — убилъ собаку. Гордое слово. Довольно тянуться за Западомъ. Еще бы смѣлѣе надо:

Ахъ, ты, гой еси, собака,
 Я тебя убилъ!

— Это вѣрно, — согласился докладчикъ.

— Еще бы, — усмѣхнулся черноземный поэтъ и, сходя съ кафедры, добавилъ черноземнымъ теноркомъ. — Волгаматка широка, размахнись моя рука. Мнѣ докладчикъ ни почемъ: можно въ ухо кирпичомъ.

* * *

Въ концѣ преній попросилъ слова какой-то сухонькій человѣчекъ, отъ котораго такъ пахло ежемѣсячными журналами, что дамы около него быстро мѣнялись мѣстами съ сознательными студентами.

— Ничего не имѣю добавить, — быстро заговорилъ онъ, — ничего, извините, не имѣю. Украдено стихотвореніе-це-то. У Пушкина прямо:

Зима, крестьянинъ торжествуя,
 Плетется рысью, чуть почуя.

— У меня же ни крестьянина нѣтъ и не плетется никто, — горько посмотрѣлъ на предсѣдателя докладчикъ.

— Долго ли по нашему времени зиму собакой замѣнить, а рысь мясомъ...

Почувствовавъ себя удовлетвореннымъ, ораторъ сошелъ съ кафедры.

— Голосовать?

— Голосуйте.

Выразили порицаніе австрійской литературѣ.

* * *

На другой день газеты помѣстили подробные отчеты о докладѣ и преніяхъ.

«Восходящій свѣтилъ прив.-доц. Крысицынъ сдѣлалъ неизданный докладъ о новомъ стихотвореніи, приписываемомъ перу автора. Помѣщаемъ неизданныя строки (упуская подробности):

Зима. Крестьянинъ вель собаку
 И мясо везъ на дровняхъ онъ.
 Любилъ онъ рысь
 И потому: любилъ и убилъ.

Были шумныя пренія; голосовали представителей разныхъ теченій. На собраніи выяснилось образованіе новой группы писателей: абистовъ, отъ татарскаго слова — хтырь, что значитъ: спасибо, я уже ѣлъ. Новая группа скоро устраиваетъ вечеръ искусства, съ преніями. Снимать верхнее платье не обязательно».

Арк. Буховъ.

АРМЯНСКАЯ ЗАГАДКА.

Я обнимаю чужой жена, я оченъ абнимаю, а мужъ умаляють: обнимай ее, па-а-ажа-люста, обнимай!...

Отгадка: мы высымъ на трамвай.

В. Черній.

DURA LEX...

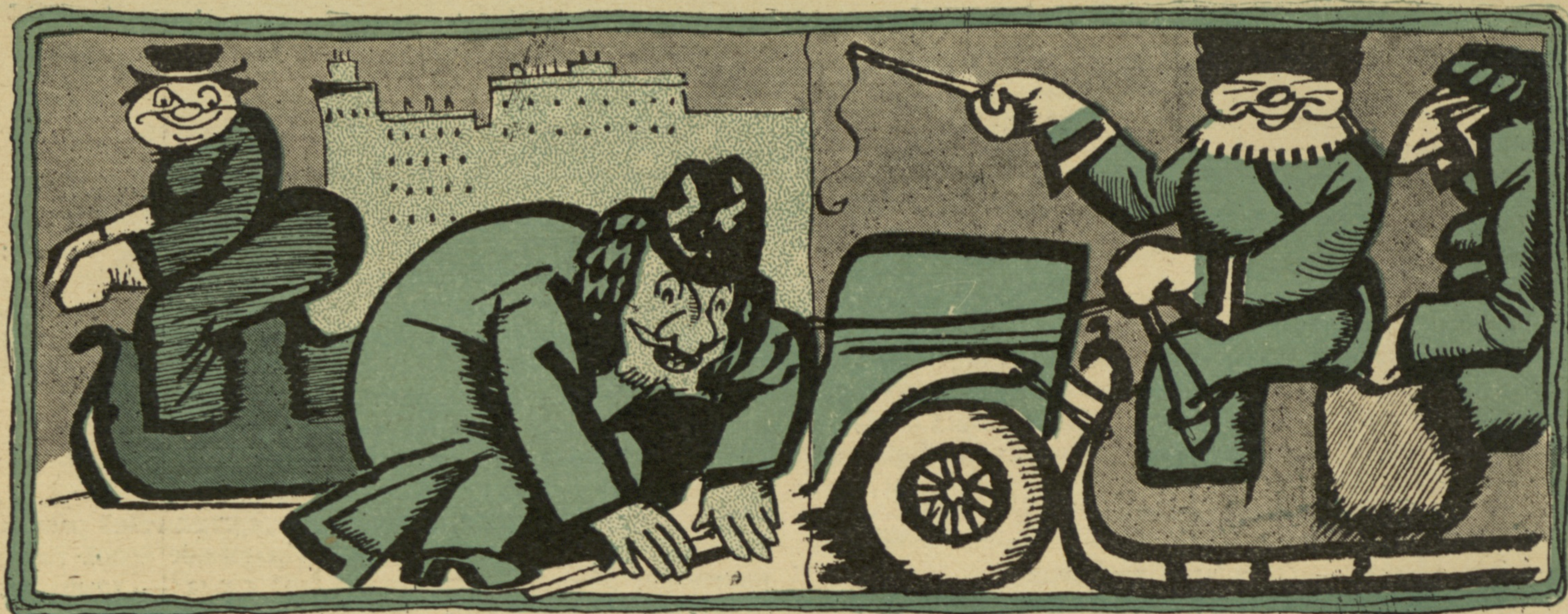
— Какъ?! За кражу двухъ березовыхъ полѣнъ васъ судили не у мирового, а въ окружномъ судѣ? Но почему же?

— Да вѣдь у мирового разбирають дѣла только не свыше 300 рублей!

Рис. Миссъ.

миссъ

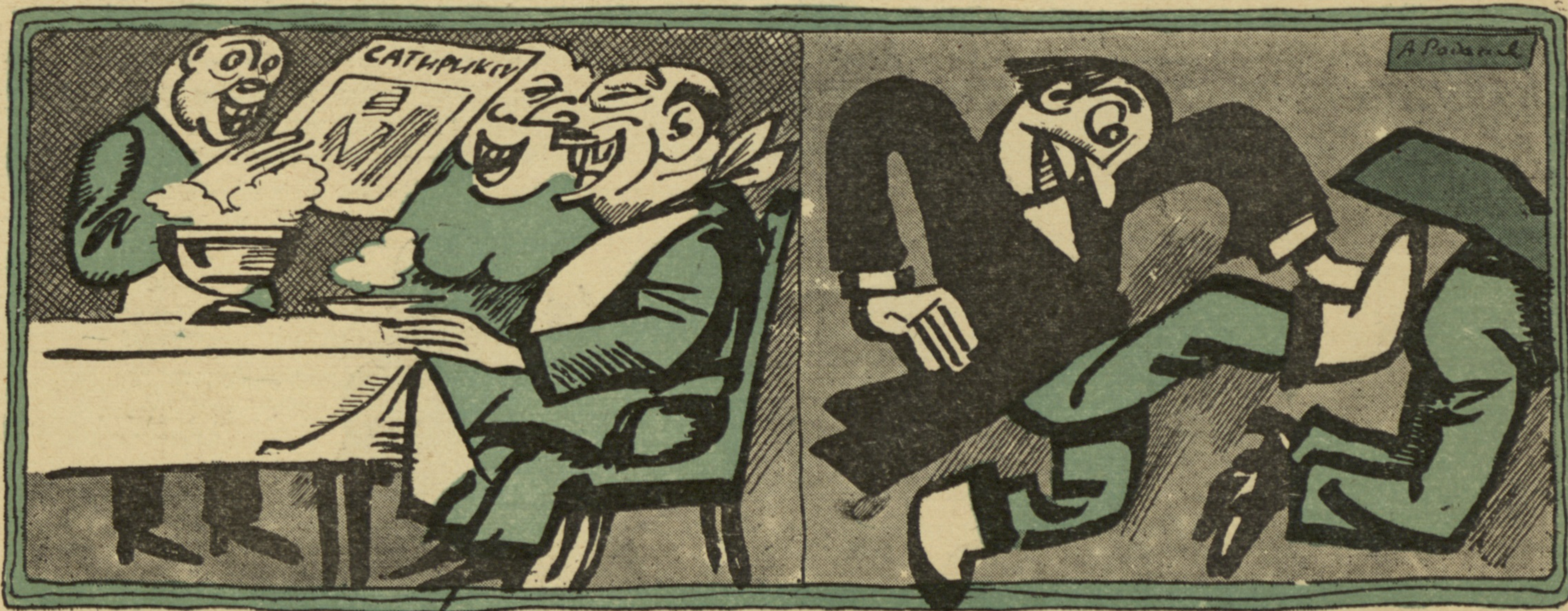
Такъ какъ введеніе таксометровъ очень желательно, а таксометровъ нѣтъ, то каждый обыватель долженъ имѣть аршинъ. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, онъ слѣзаетъ съ извозчика и тщательно измѣряетъ аршиномъ разстояніе, которое проѣхалъ.

Или нанять таксомоторъ и привязавъ къ нему сани. Это выходитъ немного дороже, но зато ужъ очень хорошо.

Надо экономить дрова, а потому людямъ, видящимъ въ глазу ближняго своего сучекъ или бревно, совсѣмъ не давать дровъ, — будеть съ нихъ и этого.

Или показывать ежедневно дубину стоеросовую ростомъ въ косую сажень, — такую можно часто найти въ редакціи „Земщины“, — и за небольшую надбавку позволить даже трогать ее руками.

Въ тотъ часъ, когда обыватель обыкновенно обѣдаетъ, долженъ приходить человекъ и читать ему „Н. Сатириконъ“. Конечно, обыватель будетъ смѣяться, а смѣяться и ѣсть въ одно и то же время невозможно. Такимъ образомъ, обѣдъ остается на завтра, а завтра повторяется то же самое.

Экономія получается громадная.

Если всѣ эти средства не помогаютъ, то есть еще одинъ очень хороший способъ: чтобы обыватель не мерзъ въ ожиданіи трамвая и безъ дровъ, надо купить простые ботинки (желательно подбитые хорошими гвоздями), и быстрымъ движеніемъ ноги приложить купленное къ отцу города. Этотъ способъ повторяютъ до полного исчезновенія отца города.

МИЛОСТЬ ПРОРОКА.

Рис. Ре-ми.

Судьба выкинула колѣнце,
Орла перекроила въ курицу: —
Молодого дикаго чеченца,
На питерскую швырнула улицу.

Послѣ горбатыхъ тропинокъ
Между виноградниками и снѣжнымъ глетче-
ромъ —
Трамваи, газетчики, Апраксинъ рынокъ
И блескъ витринъ осеннимъ дождливымъ ве-
черомъ.

Кутался чеченецъ въ бурку,
Глядя, какъ на углу Литейнаго и Невскаго,
Экипажи, лошади и люди отплясываютъ мазурку
И автомобиль рычитъ, словно ѣстъ кого.

Глаза пугливо по сторонамъ искали, —
Ахъ, сколько горь изъ камня сложено,
Но какъ онъ не похожи на чеченскія скалы, —
Думалъ дикарь встревоженно.

Но долго ли успѣтъ человѣку въ ростѣ?
Кто бы чрезъ недѣлю узналъ его —
Чеченца, продающаго въ Гостинномъ трости —
Такого расторопнаго малаго...

Всего недѣля — скорѣй чѣмъ въ сказкѣ,
Тучи дождливыя все еще плакали,
А онъ вотъ сейчасъ соорилъ глазки
Рыхлой барынѣ въ каракулѣ.

Стоить ли много распространяться?
Счастье не къ Ахмету — такъ Ахметъ къ нему,
Рѣшилъ Ахметъ, что не стоитъ шляться,
И въ ресторанъ поступилъ поэтому.

На стѣнахъ въ ресторанѣ, въ лаврахъ и
розахъ,
Нарисованы были женщины античныя,
Бопини разныя, въ различныхъ позахъ,
Изъ которыхъ все больше — неприличныя.

У простыхъ людей вкусы, конечно, грубы,
И ради господъ была эта миѳологія,
Однако и Ахметъ на миѳологію скалилъ зубы,
Хотя знать ниоткуда не могъ ея.

Еще недѣля, и въ нарядномъ бешметѣ
Разносилъ Ахметъ шашлыкъ по столикамъ,
Развлекалъ гостей въ отдѣльномъ каби-
нетѣ —
Умѣлъ неподражаемо кричать кроликомъ.

У Ахмета глаза вспыхнули страстью,
Сердце загорѣлось, въ сталь влюбленное,
Выхватилъ револьверъ цѣпкой пястью,
Сталъ цѣловать его тѣло вороненое.

Самъ не замѣтилъ, какъ нажалъ собачку,
А не все ли равно свинцу да олову?
И вотъ на свалку — пожалуйста въ тачку —
Пуля Ахмету пробила голову...

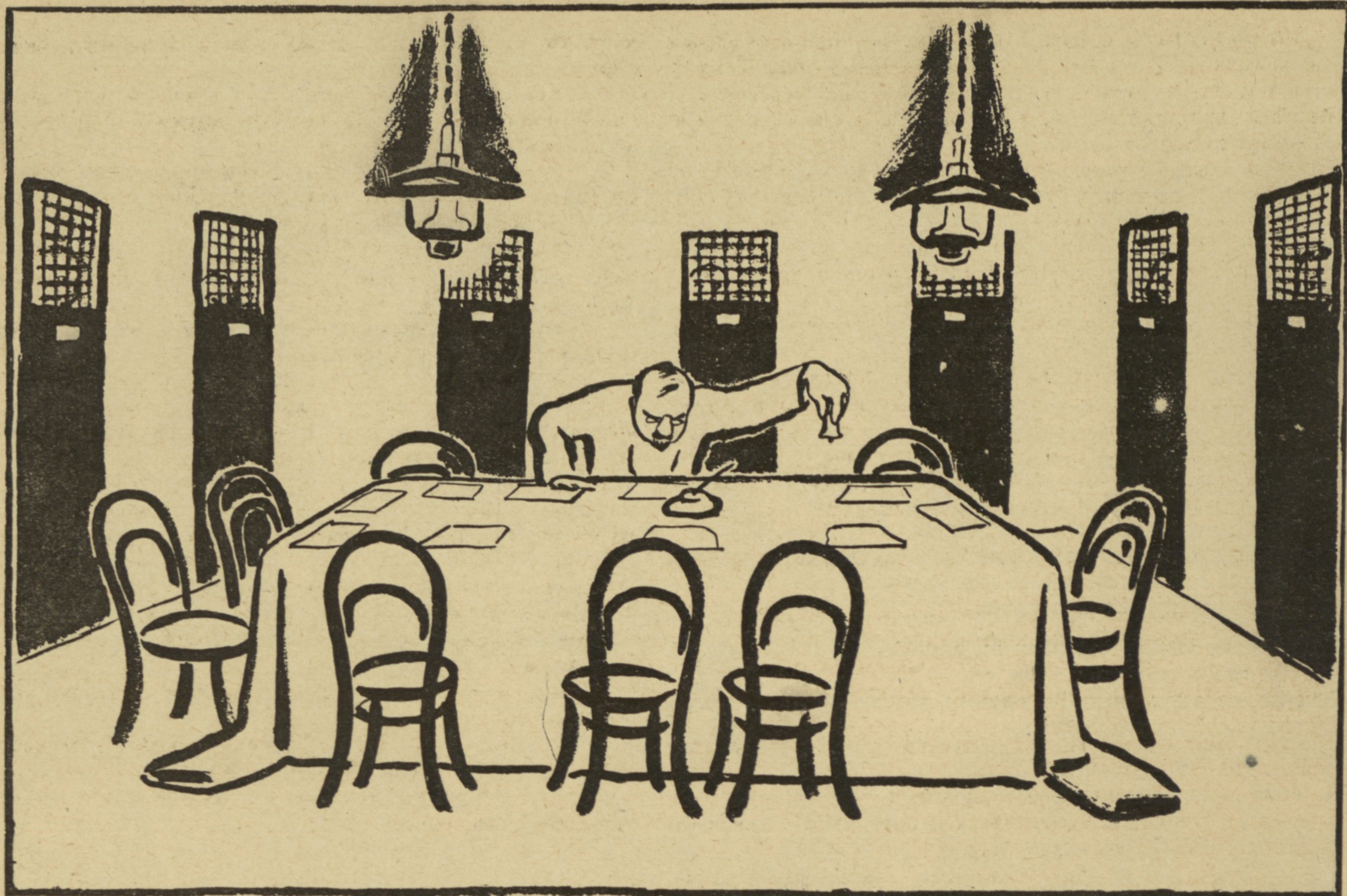
Старая чеченка, не плачь о сынѣ
Въ аулѣ у подножья глетчера бѣлаго,
Ахметъ орломъ летаетъ отнынѣ —
Святой пророкъ пожалѣлъ его.

Валентинъ Горянскій.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ НЕ ПРОПАДЕТЪ.

— Подожду, когда юбки сдѣлаются еще короче — тогда женюсь. Все-таки матеріи на платье меньше пойдетъ.

У Д О Б С Т В О.

Председатель биржи: — Открываю заседание!..

Арестовано за спекуляции несколько купцов, состоявшие членами хлебной и др. бирж.

(Изъ газетъ.)

О Б Ъ У Т О Ч К И Н Ъ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Въ прошломъ году одинъ изъ моихъ друзей ска- залъ мнѣ:

— Вчера встрѣтилъ Уточкина. Онъ жаловался, что нѣ- которые его забыли, а большинство противъ него. Я пред- ложилъ ему встрѣтиться съ тобой (я знаю, онъ тебя лю- билъ), такъ онъ даже руками замахалъ: «Что вы, что вы! Вѣдь Аверченко противъ меня работаетъ. Онъ сговорился съ кievскимъ миллионеромъ Бродскимъ обокрасть меня, украсть мое гениальное изобрѣтеніе».

Бѣдный Уточкинъ! Теперь, когда ты уже на небѣ и твой благородный, гибкій мозгъ не затуманенъ проклятымъ исчадьемъ ада — кокаиномъ, ты видишь, что былъ не правъ. Ты видишь, что я попрежнему люблю тебя и крѣпко скорблю о твоей безвременной жестокой смерти. Ты видишь, что я не злоумышлялъ противъ тебя и не хотѣлъ украсть твоего изобрѣтенія, рожденнаго расшатанной кокаиномъ психикой твоей. Теперь, Сережа, когда ты уже на небѣ, и умъ твой ясенъ и свѣтелъ, какъ хрустальная во- да, ты видишь, что и изобрѣтеніе-то твое пренелѣпое, пре- смѣшное... Помнится, состояло оно въ томъ, чтобы вы- строить огромный театръ на двѣсти тысячъ человѣкъ и пу- скать въ него рабочихъ смѣнами, взимая за это по 5 копеекъ и сдѣлавъ этотъ театръ обязательнымъ для всѣхъ, какъ баня...

Посмѣемся же оба, Сережа, надъ твоей идеей — я на землѣ, ты на небѣ.

Нѣтъ, я любилъ тебя и люблю... Теперь ты это ви- дишь?

* * *

Въ глаза его звали Сергѣй Исаичъ, потому что уважали его; за глаза — Сережей, потому что любили.

Къ нему все шло — его фамилія, заиканіе, дѣлавшее его рѣчь компактной, спрессованной и яркой; его рыжее пальто англійскаго покроя, его рыжіе волосы, широкія плечи, вес- нущатое лицо, вѣчная сигара во рту и спортсменская по- вадка.

Издали онъ казался неуклюжимъ, широкимъ, неумѣло сколоченнымъ, какъ медвѣдь. Но одинъ докторъ, лѣчившій

его въ позапрошломъ году (одно изъ безчисленныхъ спорт- сменскихъ увѣчій), говорилъ мнѣ:

— Я видѣлъ сегодня голаго Уточкина. Никогда мнѣ не приходилось встрѣчать болѣе прекраснаго мужского тѣла!...

А докторъ былъ толковый.

Вотъ тебѣ и медвѣдь.

Мое первое съ Сережей Уточкинскимъ знакомство про- изошло такъ: однажды въ Одессѣ я проходилъ мимо кафе Либмана, лавируя между столиками на улицѣ; вдругъ чья-то рука дернула меня за пиджакъ. Я обернулся: незнакомое рыжее отъ веснушекъ и бровей лицо, смѣючись, глядѣло на меня.

— В... в... вотъ, вы Аверченко?

— Да, я.

— П... покройте стулъ.

Тогда онъ увлекался авіаціей и говорилъ только воздуш- ными терминами.

Черезъ полчаса я былъ весь во власти его своеобразнаго обаянія, жадно прислушиваясь къ его неровной, ухабистой, какъ взрытая плугомъ дорога, рѣчи. Эта дорога, однако, всегда вела къ чему-нибудь цѣнному, интересному, чего нельзя сказать о плавной изящной рѣчи иныхъ гово- руновъ...

Вмѣсто вѣнка на могилу Сережи Уточкина, расскажу я три отрывка изъ его богатой приключеніями жизни... Эти отрывки безсистемны, мелки и не имѣютъ никакой формы, но они даютъ понятіе о характерѣ Сергѣя Уточки- на — птицы небесной, ярко и весело чирикавшей подъ си- нимъ небомъ, пока смерть не застучала эту птицу суровой зимой 1915 года...

* * *

Уточкинъ — чрезвычайно галантный кавалеръ — при- шель однажды въ одесское кафе со знакомой дамой.

Уточкинъ — галантный кавалеръ — своими широкими плечами и гипнозомъ своего имени добылъ среди кипящей, какъ котель, залы кафе уголь чьего-то столика и два стула.

Но не успѣла его дама опуститься на приготовленный для нея стуль, какъ какой-то стремительный бойкій одесситъ подхватилъ этотъ стуль и, моментально усѣвшись на тычкѣ у другого стола, уже загорланить свою вѣковѣчную одесскую пѣсню:

— А я вамъ говорю, что съ этой пшеницей слезами не оберешься!!! Спросите Гуральника! Эта пшеница ему уже въ печенкахъ сидитъ вовсе!...

Что-то рыжее, широкое надвинулось на проворнаго продавца пшеницы, и спотыкающийся голосъ Сережи Уточкина спокойно и вѣжливо прозвучалъ:

— В... вотъ, это мой стуль. Я его приготовилъ для дамы...

— Что? — нетерпѣливо обернулся одесситъ. — При чемъ тутъ дама, не дама? Вы же не купили этотъ стуль?

— В... вы должны отдать мнѣ этотъ стуль. В... вы в... выхватили его изъ-подъ моей д... дамы.

— Ай, идите вы отъ меня съ вашей дамой! Что это, ей Богу, когда люди о дѣлахъ разговариваютъ, такъ они со своей дамой.

Крѣпкая тяжелая рука легла на узкое плечо дѣловаго одессита.

— Э... здѣсь есть дамы, поэтому намъ неудобно разговаривать; выйдемте въ кондитерскую.

Выраженіе лица и глазъ Уточкина были таковы, что одесситъ выдалъ на лицѣ блѣдную вялую улыбку и сказалъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ:

— Кондитерская такъ кондитерская... Пойдемте, если вамъ нравится; мнѣ что!

Когда они вышли въ просторное отдѣленіе, гдѣ продаютъ пирожныя, Уточкинъ положилъ одесситу свою каменную руку на плечо и спокойно сказалъ:

— Пойдите и в... вотъ извинитесь передъ моей дамой.

— Что это еще за извиненіе? Кому это нужно? Стулья же общіе.

— Если вы не пойдете, — спокойно замѣтилъ Уточкинъ, — я положу васъ на эти пирожныя.

— Ахъ, оставьте ваши эти шутки. Это никому не нужно.

— Не извинитесь, значить, — задумчиво спросилъ Уточкинъ.

— А! Мнѣ это уже надоѣло. Оставьте меня въ покоѣ.

Въ тотъ же моментъ онъ почувствовалъ себя висящимъ въ воздухѣ, а еще черезъ моментъ легъ лицомъ, животомъ и колѣнками на стойку съ кремовыми пирожными.

— Вв... видите, — миролюбиво замѣтилъ Уточкинъ. — В... вотъ я же вамъ говорилъ.

И спокойный, удовлетворенный, поспѣшилъ къ оставленной имъ дамѣ.

* * *

Нѣсколько одесскихъ пріятелей Уточкина затѣяли издавать сатирический журналъ.

— Сережа, — пристали они къ нему. — Тебѣ все равно, согласишься быть отвѣтственнымъ редакторомъ.

— К... какой же я редакторъ, — отвѣчалъ скромный Уточкинъ. — Я этого не умѣю.

— Да тутъ нечего и умѣть. Отвѣтственный редакторъ не ведетъ журнала, а только отвѣчаетъ за него. Напримѣръ, затронули мы кого-нибудь, уязвили — онъ приходитъ къ тебѣ объясняться.

Сережа залился счастливымъ смѣхомъ.

— Д... дра... В... вотъ, драться будетъ приходиться?

— Ну, тамъ, можетъ быть, и не будетъ драться. Можетъ быть и такъ обойдется, безъ драки.

— В... вотъ, все равно, пусть приходитъ... Я его успокою. Согласенъ!

Все, что носило ароматъ приключенія, опасности, чрезвычайнаго его привлекало.

И, какъ это ни странно, дѣло съ редакторствомъ разстроилось изъ-за совершенно непредвидѣнной удивительной подробности.

Сережа подалъ въ градоначальство прошеніе о разрѣшеніи быть ему редакторомъ, а черезъ два дня лично зашелъ въ свой участокъ за отвѣтомъ.

— Ваше прошеніе не можетъ быть удовлетворено, — сказалъ ему приставъ, грузный, блѣдный человѣкъ, съ отеками отъ недостатка движенія и спертаго воздуха лицомъ.

— В... вотъ тебѣ разъ! Это еще почему?

— Не по формѣ составлено. Не указанъ вашъ адресъ.

— К... какъ же я могу указать адресъ, если его у

меня нѣтъ? В... вотъ, не могу же я обманывать начальство.

— Какъ такъ нѣтъ адреса? — удивился приставъ. — Развѣ можетъ у человѣка не быть адреса? Вѣдь вы гдѣ-нибудь живете?!

— М... мой адресъ — весь Божій міръ, — восторженно отвѣчалъ влюбленный въ природу Уточкинъ.

— Да гдѣ-нибудь вы же спите?

— Сплю! — сказалъ Уточкинъ. — Е... если вамъ нуженъ адресъ, гдѣ я сплю — такъ пишите: Большой Фонтанъ, м... морской берегъ.

— Ну, какой же это адресъ, — возмутился приставъ. — Ни номера дома, ни квартиры...

— В... вотъ, вы чудакъ! Какая тутъ къ чорту квартира, к... когда я лежу, а надо мной ч... черный бархатный потолокъ и по немъ, будто осколки зеркала, такіе большіе... Будто кто-нибудь зеркаломъ п... по землѣ треснулъ, а осколки упали на небо... А сб... боку меня, господинъ приставъ, шелестятъ волны, теплыя, солёныя, шуршатъ, и отъ нихъ, господинъ приставъ, здор... ровнемъ пахнетъ!

Склонивъ голову, полузакрывъ глаза съ темными отъ бессонницы и сидячей жизни вѣками, слушалъ приставъ это веселое чириканье вольной голубой птицы, залетѣвшей въ его смрадную клѣтку...

Но скоро опомнился, тряхнулъ головой и сказалъ увлечшемуся Уточкину:

— Нѣтъ, это все-таки, не адресъ. Какой же это адресъ: небо, камушки, волны какія-то. Нѣтъ, это не адресъ.

И было отказано Уточкину въ редакторствѣ «по формальнымъ причинамъ»...

* * *

Эту исторію рассказывалъ онъ самъ:

— В... вотъ, вы понимаете, это было такое время, когда у насъ были велосипедныя гонки (я тогда еще былъ гонщикомъ), а у публики интересъ къ гонкамъ сталъ падать. Не ходитъ она почему-то. И адресъ ей указанъ, и что будетъ — все на афишахъ указано, а она не идетъ. Н... ну, вотъ, сидимъ мы съ антрепренеромъ гонокъ и придумываемъ, чѣмъ бы поднять у публики интересъ къ намъ... «С... стойте, идея! — говорю я. — Я придумаю! Сейчасъ тутъ въ шантанѣ выступаетъ негръ Гопкинсъ, мой другъ. Объявимъ, что назначаемъ состязаніе Европы съ Африкой. Я буду на велосипедѣ, а в... вотъ Гопкинсъ на лошади... и кто кого перегонитъ. Публика п... пойдеть на это». Антрепренеръ пришелъ въ восторгъ, съ Гопкинсомъ я сговорился въ два слова, и назначили мы всю эту в... вотъ церемонію на ближайшее воскресенье. Публика — тьма валить! Я и не думалъ, вотъ, что въ Одессѣ столько!... И собрались на трѣкъ всѣ: публика, я, Гопкинсъ — только лошади его нѣтъ. Гдѣ же лошадь? А л... лошадь, вотъ понимаете, она была кар... ретная, карету возила, и хозяинъ заявляетъ, что лошадь моя сейчасъ на свадьбѣ. В... вотъ ждемъ и ждемъ: публика ждетъ, Гопкинсъ ждетъ, я жду и всѣ ждутъ. А лошадь на свадьбѣ! Но уже въ семь часовъ вдругъ мальчишки кричатъ: «Ведутъ, ведутъ!» Д... дѣйствительно, бѣлая лошадь... Только она, понимаете, усталая — на свадьбѣ была, волненіе, то да сѣ... Но п... публика обрадовалась, кричитъ: браво! Я сажусь на своего стального коня, мой другъ Гопкинсъ на бѣлаго коня, и вдругъ... понимаете, это черное съ бѣлымъ сооруженіе, — ни съ мѣста!... Г... Гопкинсъ ее бьетъ, обливается в... вотъ чернымъ потомъ, кричитъ, я кричу: «Ну, что ж ты, Гопкинсъ, трогайся!» А лошадь, какъ стала, анаема, такъ и не двинулась съ мѣста! И начала тутъ публика хохотать — я никогда не видѣлъ подобнаго хохота — п... просто всѣ подышали! И я смѣюсь, и Гопкинсъ, всѣ, а только лошадь молчала. Страшно всѣ смѣялись!

И рассказавъ эту удивительную, въ одесскомъ духѣ, исторію, Уточкинъ закончилъ съ мяпкой улыбкой и саркастическимъ огонькомъ, сверкнувшимъ, какъ молнія, въ голубыхъ глазахъ:

— Очень всѣ мы смѣялись... Т... только публика... в... вотъ смѣялась на свой собственный счетъ, а мы на ея счетъ...

Ахъ, милый, ласковый, деликатный, смѣшной Уточкинъ... Зачѣмъ ты умеръ?

Аркадій Аверченко.

СЛЪПАЯ ПРИРОДА.

Нѣтъ правды на землѣ,
Но правды нѣтъ и выше.

Пушкинъ. „Моцартъ и Сальери“

Устамъ, отвѣтнаго не знавшимъ поцѣлуя,
Глазамъ, не встрѣтившимъ влюбленно-нѣжный взглядъ,
Лѣсамъ, теряющимъ зеленый свой нарядъ
Отъ солнца грознаго, и всѣмъ, кто жилъ, тоскуя,
Свое призванье въ жизни не свершивъ —
Слова моихъ стиховъ, моей тоски порывъ!...
Скажи, кому нужна надъ высохшей пустыней
Пролившая потокъ весенняя гроза?!
Зачѣмъ любви тоска, когда во взоръ твой синій

Не взглянуть никогда желанные глаза?
Скажи, зачѣмъ рука, сжимая грудь,
На камни льетъ природы даръ напрасно?

Слѣпой природою намъ назначенъ путь,
Намъ, не слѣпымъ, страдающимъ всечасно.
И мы бредемъ, бредемъ впередъ, теряя силы,
И мы бредемъ... а пнеть прошедшихъ лѣтъ
Насъ приведетъ туда, гдѣ встрѣтитъ насъ скелетъ,
Галантно пригласивъ на дно сырой могилы.

Вамъ, всѣмъ, кому былъ каждый день не сладокъ,
Вамъ, бѣднымъ Прометеемъ безъ орловъ,
Пророкамъ безъ толпы и Сфинксамъ безъ загадокъ,
Вамъ, Ледамъ, тщетно ждущимъ лебедей,
Вамъ, обойденные, вамъ мукамъ безъ Голговы,
Вамъ посвящаю я тоску души моей
И эти строфы.

А. Радаковъ.

СЛУЧАЙНЫЯ МЫСЛИ.

I.

Самые большіе дома открываются маленькими ключами.

II.

Существуетъ два рода людей: одни составляютъ часть своей профессіи; у другихъ — профессія составляетъ часть ихъ самихъ.

III.

Дилетантизмъ — саморазвлеченіе. Профессіонализмъ — самоотреченіе.

IV.

Вмѣстѣ съ нашей мудростью мудрѣетъ нашъ книжный шкафъ.

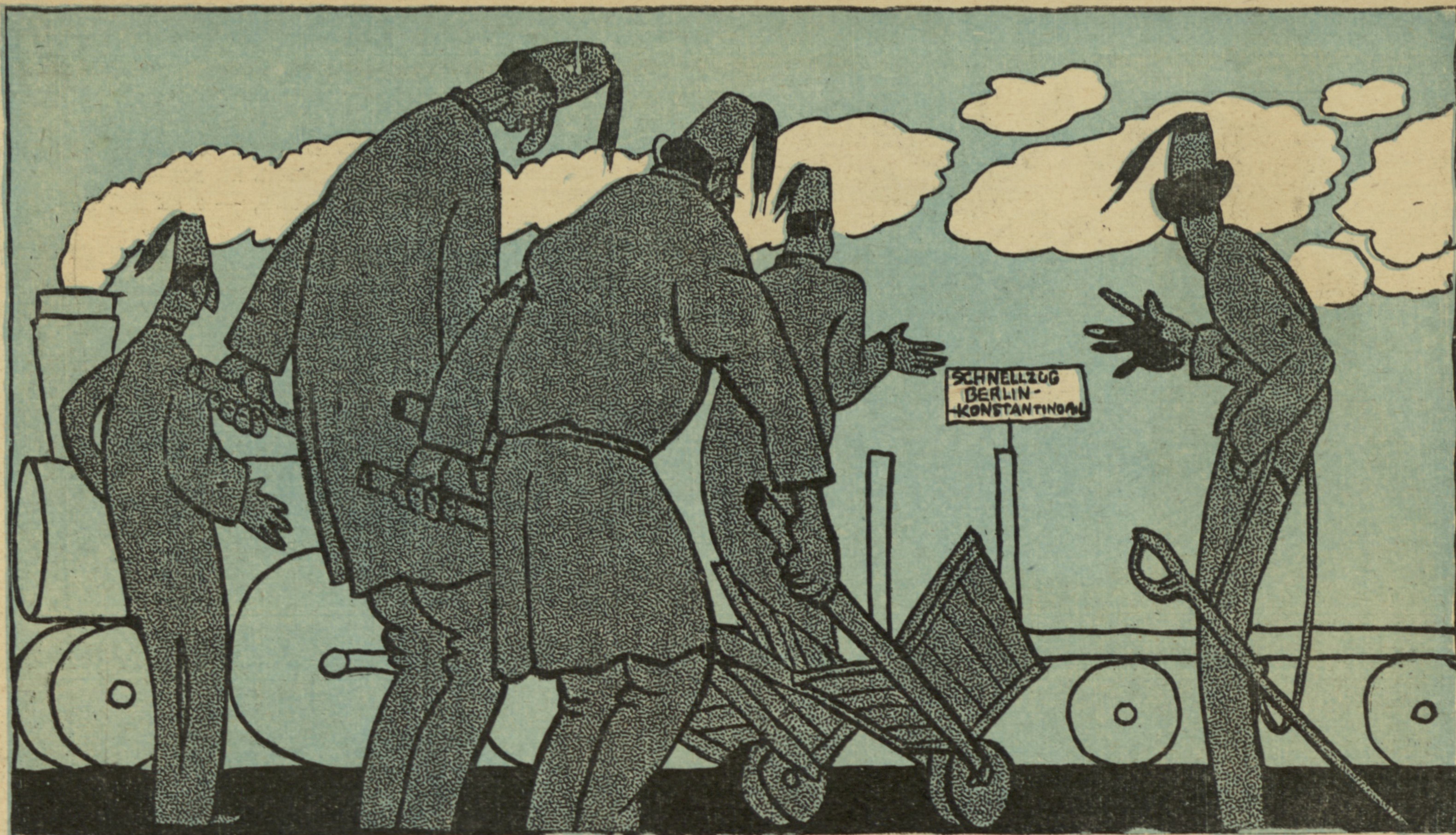
V.

Чтобы стать писателемъ, теперь нужны три условія: 1) согласіе редактора; 2) личная рѣшимость и 3) письменная принадлежность.

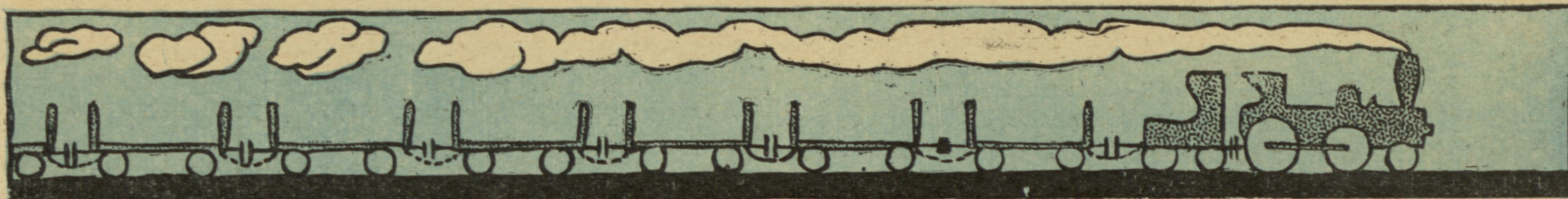
VI.

Актеръ наглѣетъ къ февралю.

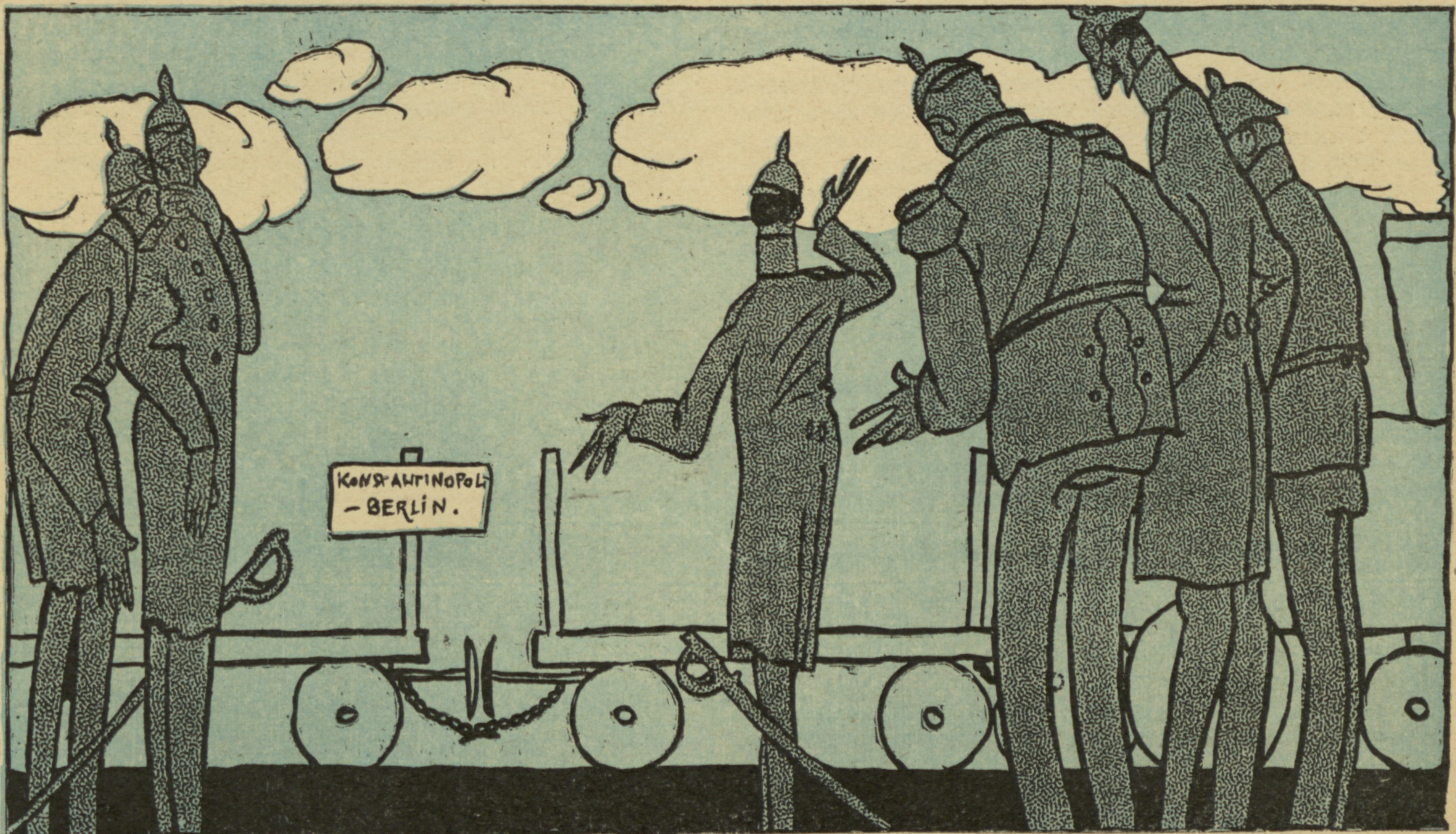
Петръ Пильскій.

Когда между Берлиномъ и Константинополемъ былъ пушенъ первый поѣздъ прямого сообщенія, турки ждали:
 — Вотъ прїѣдетъ поѣздъ, и мы будемъ сыты и обуты...
 Увы — поѣздъ пришелъ пустой.
 — Зачѣмъ же онъ пришелъ?
 — А чтобы перевезти въ Берлинъ турецкіе припасы...

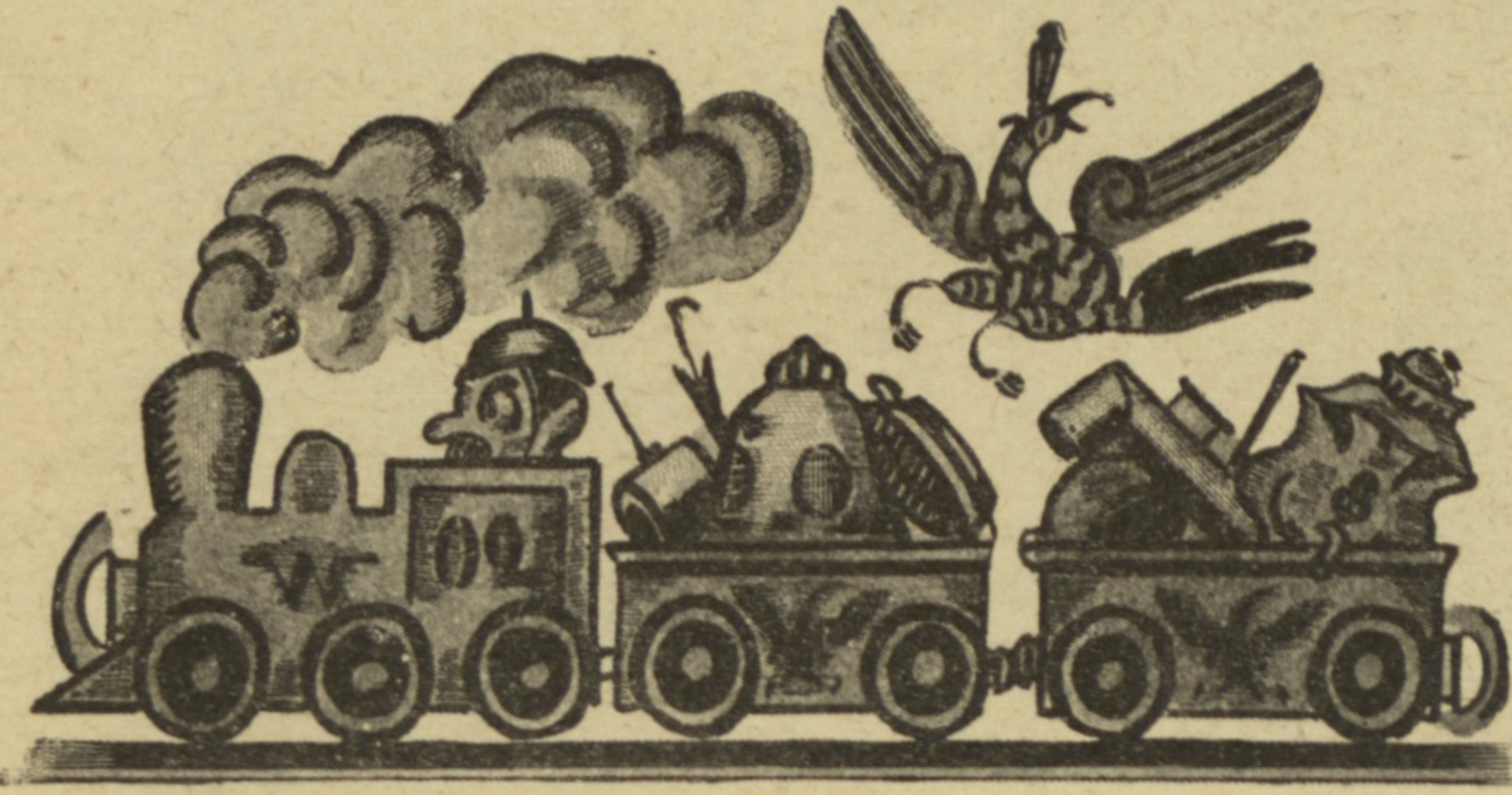

И пошелъ поѣздъ назадъ...

Съ трепетомъ и надеждой ожидали нѣмцы перваго поѣзда изъ Константинополя...
 — Придетъ поѣздъ, будемъ сыты и одѣты...
 Пришелъ поѣздъ — пустой.
 И спросили всѣ:
 — На кой же чортъ было огородъ городить?!

Рис. Н. Кузнецова.

ЖАЛОСТЬ.

Въ позѣ его для меня не было ничего новаго: онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Локти его при этомъ были, какъ всегда, широко разставлены, голова — большая и некрасивая — какъ-то, по-особенному, лежала на лѣвомъ плечѣ, а вынутый языкъ — пока перо выводило на бумагѣ неровныя крючковатая строки — выдѣлывалъ смѣшныя и странныя движенія.

Такъ обыкновенно пишутъ только что научившіяся писать дѣти, но онъ и въ двадцать восемь лѣтъ сохранилъ эту привычку.

Я неслышно вошелъ въ комнату и усѣлся на кушеткѣ. Тихій хрустъ туго-натянутой клеенки заставилъ его оглянуться.

Сдѣлалъ онъ это не спѣша и съ давно знакомымъ мнѣ безразличнымъ равнодушіемъ.

— Здравствуй, — сказалъ я.

Онъ ничего не отвѣтилъ и даже не кивнулъ головой.

Такой пріемъ былъ для меня не новъ.

Это былъ мой родной братъ, но отношенія у насъ были далеко не братскія.

Онъ былъ человѣкъ съ большими странностями. Еще съ дѣтства его отличало крайне неприятное чудачество, до нелѣпости грубый эгоизмъ и болѣзненная безразличность по отношенію ко всѣмъ и всему. Онъ прекрасно учился, прекрасно рисовалъ и обладалъ тонкимъ музыкальнымъ слухомъ.

Но его все же ненавидѣли. Все у него выходило отвратительно.

У него была богатѣйшая фантазія. Ему ничего не стоило, сидя за чайнымъ столомъ, или просто, отъ нечего дѣлать, набросать на первой попавшейся бумажкѣ очаровательный рисунокъ.

Рисовалъ онъ все какіе-то прекрасныя фантастическія замки, великолѣпныя сады съ возвышающимися надъ деревьями электрическими фонарями и всегда разнообразно и интересно, но когда я или сестра, заинтересованные, подходили и хотѣли разглядѣть рисунокъ получше, онъ комкалъ и рвалъ его, смѣясь неприятнымъ, наглымъ и тупымъ смѣхомъ, и его некрасивое, скуластое и веснучатое лицо отвратительно морщилось, и обнажались кривыя желтыя зубы.

За обѣдомъ онъ долго теръ салфеткой тарелку, не обращая вниманія на энергичныя увѣренія всѣхъ, что тарелка чиста.

Каждый кусокъ хлѣба прежде, чѣмъ положить въ ротъ, онъ тщательно разглядывалъ и гладилъ пальцами, точно счищая съ него невидимую грязь. Когда кто-нибудь кашлялъ, онъ испуганно закрывалъ ладонями свою тарелку и безразлично ворчалъ.

Привычки у него, вообще, были самыя неприятныя. Онъ ежесекундно отплевывался; выходя на улицу, одѣвался до смѣшного тепло. Вообще, за здоровье свое боялся до курьеза.

Въ дѣтствѣ его часто билъ отецъ, и тогда онъ безстыдно и комично плакалъ съ бессмысленными и отчаянными взвизгиваніями и стенаніями.

Это былъ очень странный человѣкъ. Никто ни разу не говорилъ о немъ иначе, какъ съ грустью или презрѣніемъ, но его это нисколько не волновало. Его полное равнодушіе къ тому, что о немъ говорили, меня поразило.

Онъ считался уродомъ въ нашей семьѣ.

Иногда онъ игралъ на роялѣ, импровизируя. Выходило это у него прекрасно, и я, вслушиваясь въ нѣжныя и слож-

ныя мелодіи, восхищаясь неожиданными переходами и тонкой гармоніей — съ грустью и завистью спрашивалъ себя, какъ сочетается въ одномъ человѣкѣ убогое уродство съ такой богатой душой.

Меня онъ звалъ болваномъ и ничтожествомъ, но относился съ меньшимъ презрѣніемъ, чѣмъ ко всѣмъ.

— Я гений, — часто говорилъ онъ, — а вы всѣ ничтожества. Обыватели. Дрянъ.

Въ училищѣ сложныя задачи, которыя давались мнѣ съ трудомъ, рѣшалъ онъ — рѣшалъ всегда легко и быстро — и объяснялъ ихъ мнѣ, густо уснащая объясненіе словами въ родѣ «болванъ» и «ничтожество». Возмущался я подобнымъ отношеніемъ рѣдко, а когда возмущался, то чувствовалъ бессильную злобу: у меня не было такихъ словъ, которыя могли бы смутить его.

Его вообще ничто не смущало. Я чувствовалъ, что онъ глубже, умнѣ меня. Когда онъ говорилъ о прочитанной книгѣ, что это хорошая книга, я чувствовалъ, что это именно такъ, и никто бы не могъ увѣрить меня въ противномъ. Если онъ говорилъ о чемъ-нибудь, то — зналъ точно. Разбить меня и доказать неправильность того, что я говорилъ, ему всегда было легко, и дѣлалъ онъ это шутя, безъ усилій, и не наслаждаясь своей побѣдой.

— Ничтожество, — бросалъ онъ только, искусственно зѣвая и проводя ладонью по своимъ волосамъ.

Иногда онъ хохоталъ, — долго, визгливо, противно, до слезъ. Причиной такого хохота часто бывалъ я: я удачно передразнивалъ и имитировалъ нашихъ знакомыхъ и родственниковъ, и это смѣшило его.

Но съ годами этотъ хохотъ, который хоть немного сближалъ насъ, становился рѣже.

Чудачества его росли.

Отецъ старѣлъ. Скандалы, столь частые у насъ, постепенно прекращались, а послѣ послѣдняго скандала, когда братъ побѣждалъ за полиціей и кричалъ, указывая на отца, — «арестуйте этого обывателя» — все кончилось: братъ уѣхалъ.

Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ.

Отецъ умеръ, мать тоже. Сестра — замужемъ. Братъ пишетъ какую-то толстую книгу по психологіи и живетъ у бѣдной старушки-тетки, которой платитъ за квартиру и столъ.

Я пріѣхалъ вчера, а сегодня пришелъ къ нему во второй разъ.

Старушка-тетка уже успѣла, плача, рассказать мнѣ, какъ обращается съ ней этотъ милый квартирантъ.

— Онъ называетъ меня «старая дрянъ», затѣмъ почему-то Офелія и Маргарита, — говорила она, плача. — Я уже нѣсколько разъ подавала прошеніе въ богадѣльню — лишь бы не жить въ одной квартирѣ съ этимъ звѣремъ... Но что подѣлаешь — онъ меня кормитъ... Куда бы я дѣвалась, если бъ не онъ?... Сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ онъ не позволяетъ мнѣ... Онъ обѣдаетъ одинъ, а я — на кухнѣ... Мнѣ кажется, что онъ съ ума сходитъ... По ночамъ онъ поетъ. Людей не видитъ. Никто у него не бываетъ и онъ никуда не ходитъ...

Я слушалъ рассказъ про давно знакомыя выходки и странности брата и, какъ всегда, вмѣстѣ съ болью чувствовалъ любопытство къ нему. Мнѣ все какъ-то не хотѣлось остановиться на мысли, что онъ только феноменальный и неприятный чудакъ. Все хотѣлось разгадать его, хотѣлось понять...

— Ну, что скажешь?

Давно знакомый, почти неизмѣнившійся, несмотря на шесть лѣтъ, сухой неприятный голосъ.

— Ничего. Какъ ты поживаешь?

Онъ не отвѣтилъ.

Такъ мы просидѣли молча — я на кушеткѣ, а онъ за письменнымъ столомъ, спиной ко мнѣ — минутъ пять.

Затѣмъ онъ всталъ и подошелъ къ другому столу, — очевидно, обѣденному, покрытому скатертью.

— Эй, ты, старая канарейка! — крикнулъ онъ, — давай обѣдь!

— Кто это — старая канарейка? — подавляя въ себѣ тяжелое чувство и хорошо зная, что это относится къ жалкой старухѣ, спросилъ я.

— Старая канарейка кто?

Онъ повторилъ вопросъ и вдругъ глупо разсмѣялся. Губы

его нелѣпо запрыгали, носъ покраснѣлъ, а глаза сузились. Онъ былъ еще болѣе противень, чѣмъ дома.

Давно знакомая ненависть взволновала меня. Сразу вспомнилось отравленное вѣчными скандалами дѣтство, вспомнилось то вѣчное униженіе, въ которомъ держалъ меня этотъ болѣзненно самоувѣренный и глубоко непріятный человекъ, и мнѣ вдругъ показалось, что не будь въ моей жизни этого урода — можетъ быть, я былъ бы совсѣмъ инымъ человекомъ.

— Отчего ты смѣешься? — съ грустью спросилъ я.

Онъ сѣлъ за столъ и еще разъ крикнулъ:

— Офелія! Скорѣе обѣдь! Маргарита!

И опять омерзительно разсмѣялся.

Мнѣ стало тяжело.

Вошла старушка, поставила передъ нимъ приборъ, тихо вздохнула и ушла.

Все было, какъ раньше: онъ поднесъ тарелку къ глазамъ, затѣмъ долго теръ ее салфеткой — все попрежнему.

— Ты, видно, совсѣмъ не измѣнился, — сказалъ я.

— А тебѣ, милый, какое дѣло? — сухо спросилъ онъ, переставъ смѣяться.

Никогда не слышанное отъ него слово «милый» — ударило меня, какъ хлысть.

Мнѣ хотѣлось кратко и ясно, въ какихъ-нибудь особенныхъ словахъ, сказать ему, что такъ нельзя, что мы братья, что мы не видѣлись нѣсколько лѣтъ, что намъ нужно о многомъ переговорить, что мы уже взрослые люди но что-то стало поперекъ горла.

Я не могъ произнести ни слова.

Опять вошла старушка и поставила передъ нимъ вареное мясо въ глубокой тарелкѣ.

— Ты хочешь ѣсть? — сухо и, по старой привычкѣ, искусственно зѣвая, спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Мнѣ было тяжело и больно. Отъ волненія дрожали руки.

— Что ты сейчасъ дѣлаешь, чѣмъ занимаешься? — спросилъ я.

Онъ не отвѣтилъ: былъ занятъ процессомъ ѣды.

Ѣлъ онъ тоже противно, громко чавкая и гримасничая.

Я съ острымъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого, столь близкаго и столь безконечно далекаго мнѣ человека и думалъ, невольно думалъ о томъ, какъ фантастична жизнь.

— Маргарита! — крикнулъ онъ вдругъ, вытирая жирныя губы, — отчего мясо твердое? Вотъ-то старая дрянь...

Я не выдержалъ. Что-то подбросило меня, и я, не будучи въ силахъ владѣть собою, со страшной злобой, какой не зналъ до этого момента, крикнулъ:

— Не смѣй такъ ругать ее?! Ты слышишь, ты, чудовище!? Мерзавецъ! Извергъ! Сумасшедшій! Ты погубилъ отца! Ты вогналъ въ гробъ мать! Мерзавецъ! Я тебя убью! Какъ собаку, убью!! Убью!! Убью!!

Внѣ себя отъ бѣшенства, я стучалъ о полъ ногами, продолжая кричать и чувствуя гдѣ-то въ себѣ остатки прежняго безсилія, когда я ссорился съ братомъ и не могъ никакъ обидѣть его, хотя произносилъ самыя обидныя и оскорбительныя слова.

Онъ откинулся на спинку стула, внимательно глядя на меня и стараясь не улыбнуться. Но старанія эти не удалось ему.

Онъ улыбнулся своей непріятной улыбкой, и это окончательно затуманило мой мозгъ: не помня себя, я схватилъ сахарныя щипцы, лежавшіе на краю стола, размахнулся и бросилъ ему въ лицо...

Что произошло потомъ — описать трудно.

Я помню его, такой жуткій и странный для взрослога человека, плачь и отчаянные крики: «Мой глазъ! Глазъ!».

Я помню, какъ онъ для чего-то разорвалъ на себѣ воротъ рубашки, обнаживъ грудь, по которой уже стекала со щеки струйка крови.

Онъ плакалъ, какъ въ дѣтствѣ, взвизгивая и причитывая, и въ его крикахъ было столько глубокой, острой жалости къ себѣ и отчаянія, что я сразу почувствовалъ, какъ бѣшенство, почти остервенѣніе, смѣнилось и у меня той непобѣдимой, иссушающей жалостью, отъ которой я вотъ ужъ десять лѣтъ не могу излѣчиться и о которой мнѣ хотѣлось написать.

Тогда — помню — на крики сбѣжались сосѣди, кто-то изъ наиболѣе усердныхъ позвалъ полицію, и я самъ даль противъ себя тяжкія показанія, добиваясь ареста.

Затѣмъ былъ судъ и на судѣ я старался обвинить себя,

чтобы попасть въ тюрьму, чтобы гдѣ-нибудь спрятаться отъ мучающей меня жалости, но все — тщетно.

Меня оправдали.

Съ тѣхъ поръ уже прошло десять лѣтъ; брата, у котораго оказался легко поврежденнымъ лѣвый глазъ, я не видѣлъ, но отчаянный плачь его, струйка крови и обнаженная грудь продолжаютъ душить меня непрекращающимся кошмаромъ, и сердце мое часто судорожно сжимается отъ нестерпимой боли...

Я долго не зналъ, какъ называется эта боль, не зналъ — жалость ли это, но потомъ узналъ, что это именно жалость. Жалость, а не сожалѣніе о случившемся. Я понялъ, что это — самая настоящая жалость, и понялъ, что жалость — болѣзнь.

* * *

Жалость — одна изъ мучительнѣйшихъ болѣзней, и берегитесь, берегитесь заболѣть ею!

Ефимъ Зозуля.

КАНАРЕЙКА-БѢЖЕНКА.

Въ день морозный, на перронѣ,
Въ грудѣ рухляди и хлама,
Охраняемой ревниво
Грустныхъ бѣженцевъ толпой,
Канарейка дрогла въ клѣткѣ, —
Молчаливая средь гама, —
Вся пропитанная страхомъ
Предъ лавиною людской...

Рядомъ съ швейною машиной
И съ треногимъ стуломъ рядомъ,
Межъ подушекъ и комодомъ,
Посреди цвѣтныхъ кульковъ, —
На «чужихъ» глядѣла птичка,
Трепеща, пугливымъ взглядомъ
И порою замирала
Отъ пронзительныхъ свистковъ...

Я подумалъ: — «Канарейка!
Ты въ зависимости тоже
Отъ Оранжевыхъ и Бѣлыхъ
И другого цвѣта Книгъ!...
Предъ лицомъ войны кромѣшной
Судьбы всѣхъ трагично схожи:
И тебя коснулся, пташка,
Историческій нашъ «сдвигъ»!... —

Ты, въ своей помятой клѣткѣ,
Не хирѣла бъ на перронѣ;
У привычнаго окошка
Пѣла бъ звонко пѣсни ты, —
Не скажи въ Берлинѣ кайзеръ
Наглою «рѣчи на балконѣ»,
Полной злобы неумной,
Полной лютой клеветы!...

Всю Европу взбудоражилъ
Сей высокій беззаконникъ,
Чтобъ Германію прославить,
«Гунновъ» кликнувшій на брань:
И... покинула ты, пташка,
Свой уютный подоконникъ,
На которомъ годъ отъ года
Рдѣла мирная герань!...

Михаилъ Пустынинъ

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Пѣсни старья и новья.

Н. Бережанскій въ „Веч. Времени“ приводитъ солдатскія пѣсни, на которыя онъ наткнулся въ сборникѣ „Боевыя пѣсни русскаго солдата“ нѣкоего Г. М. Попова, четвертое изданіе В. Березовскаго, 1913 г., цѣна 2 руб.

Сборникъ этотъ, изданный комиссіонеромъ военно-учебныхъ заведеній В. Березовскимъ, содержитъ, между прочимъ, такіе „патріотическіе перлы“:

Здравствуйте, друзья-герои!
Храбры прусскіе полки!
Мы разбили вражьи строи,
Съединивъ свои штыки.

Нась поля побѣдъ сдружили,
Лести, хитрости нѣтъ тамъ:
Тамъ по-братски мы дѣлили
Трудъ и лавры пополамъ.

Веселись солдатъ съ солдатомъ,
Русскій съ храбрымъ Пруссакомъ,
Онъ привыкъ тебя звать братомъ
И владѣть, какъ мы, штыкомъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ знаменитый.
Мудрый въ миръ, другъ добра.
Въ браняхъ славою покрытый,
Россѣ гласитъ тебѣ „ура“!

(Стр. 197.)

„Россѣ гласитъ тебѣ „ура“! . . .

Гласилъ, гласилъ Россѣ „ура“, пока не спохватился и „караулъ“ не заголосилъ . . .

„Красная шапка“.

„Минская Газета“ передаетъ, что возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ начальника станціи Верейцы, Либаво-Роменской жел. дороги, Сенько, по обвиненію его во взяточничествѣ.

Какъ передаетъ газета,

Сенько установилъ особый налогъ на бѣженцевъ, взимая по 100 руб. за каждую предоставленную имъ теплушку. Не избѣгъ этого налога и священникъ-бѣженецъ, съ котораго Сенько взялъ такую же сумму, а затѣмъ, когда по этому поводу началась ревизія, заприходовалъ эти деньги, какъ случайный доходъ на благотворительныя дѣли. Сенько устраненъ отъ должности.

Такимъ образомъ, бывшему начальнику станціи Сенькѣ пришлось разстаться со своей „красной шапкой“, о которой можно сказать:

— Не по Сенькѣ шапка!

При благосклонномъ участіи.

Въ Маріинскомъ театрѣ былъ устроенъ концертъ — чествованіе г. Козаченки.

Вечерняя „Биржев.“ отмѣчаетъ нѣкоторыя наиболее оригинальныя стороны этого концерта:

Одинъ изъ пѣвцовъ передъ началомъ своего номера . . . почесывалъ глаза, ухо, носъ, затылокъ, спину и нѣкоторыя другія части тѣла . . .

Всѣ маленькія, всѣ черненькія, всѣ прыгають.

Только въ концертахъ имъ участвовать не полагается.

Тѣмъ болѣе — на казенной сценѣ.

Бумъ въ Берлинѣ.

Такъ все теперь перепуталось, что рѣшительно ничего не поймешь . . .

Заболѣлъ Вильгельмъ II, и что же!

Его лѣчитъ лейбъ-акушеръ Бумъ.

Такъ что неизвѣстно теперь, кто затѣялъ войну: Вильгельмъ второй или Вильгельмина вторая.

Вѣдь былъ же однажды въ Римѣ папа, который по разсмотрѣніи оказался мамой.

Въ довершеніе всего фамилія акушера: Бумъ.

Почему Бумъ? Лѣчитъ ли Вильгельма Бумъ или это просто бумъ такъ себѣ безъ лѣченія.

О, Боже, Боже! Какъ все сдѣлалось непонятно на бѣломъ свѣтѣ.

Сосновая гора и ея друзья.

У новаго китайскаго императора Юаньшикая есть нѣсколько приближенныхъ (просимъ запомнить ихъ имена): Сюй Ши-Чанъ, Чжао Эр-Сюнь, Кань-Цзянь и Ли Цзинъ-ли.

Газеты сообщаютъ, что всѣ они назначены членами верховнаго совѣта (юань-лао-юань, японскій генро) и получили официальный титулъ друзей „сосновой горы“, — какъ назвалъ себя Юаньшикай въ указѣ по этому случаю.

Плакали, плакали бѣдные китайцы, но — ничего не подѣлаешь — отпечатали карточки:

Сюй Ши-Чанъ

Другъ сосновой горы.

Очевидно, дровяной кризисъ коснулся и Китая, но только тамъ онъ принялъ своеобразный характеръ.

Цыганъ сказалъ о своемъ другѣ, котораго повѣсили:

— От-то, наши пошли въ гору!

Въ Китаѣ „наши“ идутъ не просто въ гору, а въ сосновую . . .

Цезарь.

Недавно на какомъ-то обѣдѣ въ Нишѣ Болгарскій Фердинандъ привѣтствовалъ Вильгельма по-латыни.

Аве, Цезарь! Привѣтъ тебѣ, побѣдившему полміра!

Корреспондентъ сообщаетъ, что „обѣдъ происходилъ въ нишѣ“. До чего же мало земли у побѣдителей, если даже обѣдающіе принуждены ютиться въ нишахъ!

Вопль.

Для развода существуетъ нѣсколько мотивовъ.

Въ Архангельскѣ прибавился еще одинъ мотивъ . . .

Вотъ объявленіе изъ мѣстныхъ газетъ:

Вниманіе гг. квартирохозяевъ г. Архангельска.

Нужна комната тихому, спокойному, бездѣтному, честному, но женатому человѣку. Съ ногъ сбился въ поискахъ, — никуда не пускаютъ потому, что женатъ. Умоляю, не допустите развода. Адресовать въ ред. „Сѣв. Утра“.

Раньше домовладѣльцы не пускали жильцовъ съ собаками. Потомъ стали косо поглядывать на дѣтей; а теперь обрушились и на источникъ этого послѣдняго зла.

Дико, но послѣдовательно.

Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ аппаратомъ.

Существуютъ люди, которые борются со спиртными напитками самымъ примитивнымъ образомъ: они уничтожаютъ ихъ за обѣдомъ или за ужиномъ.

Приблизительно такъ же поступаетъ и трезвенникъ Иванъ Чуриковъ, вступивъ въ борьбу съ граммофонами: онъ скигаетъ ихъ.

6-го января, въ Вырицѣ, въ колоніи трезвенниковъ Ивана Чурикова состоялось публичное сожженіе на кострѣ граммофоновъ, имѣвшихся въ домахъ нѣкоторыхъ трезвенниковъ. Сожжено болѣе 20-ти граммофоновъ, вмѣстѣ съ пластинками.

Братъ Иванъ Чуриковъ публично осудилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ за пріобрѣтеніе и храненіе граммофоновъ — „германской мерзости и нечисти“. Чуриковцы просили брата Ивана разрѣшить продать граммофоны, но Иванъ Чуриковъ запретилъ это, сказавъ, что продажа явится еще большимъ соблазномъ.

Иванъ Чуриковъ, конечно, человѣкъ трезвый, но — немудрый . . .

Хорошо, если бы какой-нибудь полупьяный человѣкъ растолковалъ ему, что чѣмъ больше онъ сожжетъ граммофоновъ, тѣмъ больше и шире будетъ развиваться граммофонное производство.

Было бы хорошо, если бы кто-нибудь наслетничалъ ретивому Ивану Чурикову на „Новый Сатириконъ“ . . .

Экспериментаторъ.

Пытливый умъ всюду найдетъ себѣ работу:

Въ одну изъ городскихъ больницъ вчера доставили съ отмороженнымъ языкомъ бѣженца Виленской губерніи Ивана Лукашева. На товарной станціи Балтійской желѣзной дороги И. Лукашева нашли съ примерзшимъ языкомъ къ одной изъ рельсъ, сложенныхъ въ товарномъ вагонѣ. Въ одинъ изъ послѣднихъ морозовъ, очевидно, пьяный, Лукашевъ проходилъ по путямъ товарной станціи и здѣсь, увидя груженный рельсами вагонъ, вздумалъ лизнуть покрытые инеемъ рельсы. Языкъ Лукашева примерзъ къ одной изъ рельсъ, и оторвать его онъ уже не могъ. Нашель Лукашева на путяхъ станціонный жандармъ. Въ виду приближенія времени отправленія поѣзда, жандармъ вытребовалъ фельдшера и теплой воды. Языкъ Л., отдѣленный отъ рельсы, оказался сильно ободранымъ и окровавленнымъ.

И получился у бѣженца такой языкъ, который уже до Кіева не доведетъ.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

на ежедѣльный журналъ сатиры и юмора
„Новый Сатириконъ“.

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

52 номера богато иллюстрированного красочными рисунками и карриатурами журн. больш. формата. **52**
Рисунки и текстъ лучш. русскихъ художн. и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. ПРЕМІИ: Кромѣ того, всѣ годовые под- БЕЗПЛАТН. ПРЕМІИ: **3**
писчики получаютъ

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦІИ.

Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеліканы о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрывають лучшіе куски души своей и отдають ихъ читателямъ: нате, кушайте!

Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значитъ нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей Работа известнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его известнымъ, чѣмъ заднее и будетъ вышолнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 6 р. 80 коп., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ 8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.
За границу: на годъ 12 руб., на 1/2 года 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 3 р., къ 1 мая 2 р., къ 1 іюля и 1 сент. по 1 р. 50 к.

Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ 2 руб. и ежемѣсячно каждое 1-е число по 50 коп.

Рис. Ре-ми.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88.

Телефонъ № 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

К. Чуковский приводит нѣсколько цитатъ изъ учебника Холевюса: „Темы и планы для сочиненій“.

„Книжка (говоритъ г. Чуковский) туповатая, дубоватая и при этомъ — демонстративно нѣмецкая“, а на обложкѣ ея значатся нѣсколько внушительныхъ (что они внушаютъ? Не отвращеніе ли?) словъ:

— „Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособія“.

Что же это за Холевюсъ и что онъ пишетъ?

А вотъ, что пишетъ Холевюсъ, одобренный ученымъ (?) комитетомъ:

— „Какъ главнѣйшія наши сухопутныя животныя бѣгаютъ на четырехъ ногахъ, такъ и столы наши и стулья стоятъ на четырехъ ножкахъ“.

Впрочемъ, главнѣйшія наши животныя бѣгаютъ и на двухъ ногахъ, хотя и сидятъ на четвероногихъ стульяхъ за четвероногимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Ихъ длинныя уши съ успехомъ компенсируютъ отсутствіе второй пары ногъ.

И еще написано у Холевюса:

— „Въ средѣ нѣмецкихъ хозяевъ рѣдко встрѣтишь американскія (!) хлопчатобумажныя (?) души (?)“.

Какой нужно быть хлопчатобумажной душой, чтобы одобрить весь этотъ соръ.

*

„Синій Журналъ“ ввелъ новшество: его подписчики получаютъ премію (какая-то книга „Тайныя силы“) бесплатно, но не въ Россіи они ее получаютъ, а въ Лондонѣ.

По крайней мѣрѣ, самъ журналъ объясняетъ на своихъ страницахъ:

Цѣна этой книги, которую подписчики получаютъ бесплатно въ Лондонѣ — 10 шиллинговъ (больше 5 руб.).

Стоитъ ли ѣхать въ Лондонъ, для того лишь, чтобы получить подозрительную премію къ плохому полуграмотному журналу?

*

Ө. Крюковъ въ „Русскихъ Запискахъ“ щеголяетъ „сочностью“ письма:

... Два маленькихъ мальчугана входили на изволокъ изъ-подъ горки. Озябли, посинѣли. Соплишки висѣли у меньшаго. Костикъ нагнулся и поцѣловалъ ихъ.

Кого это — ихъ?

Или Костикъ не очень брезгливъ, или авторъ не очень грамотенъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменныя отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Б. Газчуеву. Автору статьи „Судостроительное“. — Вас. О. Василію Рябину. „Генералу Пѣтухову“. — Вадиму Юрьеву. г-ну Л. К. — П. Орлову. — М. Филатову. — „Здѣсь И. Луи“. — А. Д. (Автору разск. „Плѣнные въ окнѣ“). — Николь Н. — Чешурину. — Б. Дурдину. — „Ник-су“. — Фонтанка. Е. А. С. Все присланное не подошло.

Б. Москва.

В. Г. С. А. И. Т.—инъ. Не подошло.

В. Провинція.

Крымъ. „Тсс“... Порицкое, Симб. губ., Алексію К. Бѣжица. — Тяпкину-Ляпкину. — Въ пространство. Петру Горемыкъ. — „Ки-Ко. М. М.“ Евдокиму-Герзакину. — Кіевъ „С. Б.“ — Шацкъ, Тамб. губ. г. Шацу. Архангельскъ. Плебееву. Казань — Въ пространство. Старому студенту. Курганъ, Бійскаго уѣзда, — Казсу. Харьковъ. Нилх му. Юзовка. Куму. — Въ пространство. С. Мезенцеву. Неизвѣстно куда. А. Невѣрину. Катъ Черной. — Гомель. Г. Т. Все присланное не подошло.

Тверь — Оконникову. — Стихи дышатъ новизой и оригинальностью замысла:

Смотрите! Усы у Вильгельма
Кверху совсѣмъ не торчатъ,
Печальный онъ сдѣлался, шельма —
И оба ужъ уса висятъ.

Въ препроводительномъ же письмѣ вы пишете:

— „Позвольте и мнѣ взобраться на Парнасъ...“

Нечего вамъ зря по горамъ лазить.

Кременчугъ. — Три Н. — „Мнѣ уже 29 лѣтъ, — жалуется Три Н — а у меня еще нѣтъ никакого имени... Надѣюсь — „Сатириконъ“ мнѣ дастъ его...“

Конечно. Натѣ: Петръ Ивановичъ. Довольны?

Носите на здоровье.

Г. Дѣйствующая армія.

Въ пространство. И. К. Прапорицику Анищенко. Кавказская армія. А. Прозоровскому. Все присланное, къ сожалѣнію, не подошло. Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

НА НОВЫЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКА: 1) Обзоры внутренней и внѣшней политики. 2) Статьи научно-общественныя. 3) Церковные вопросы. 4) Областной отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Славянскій отдѣлъ. Обзоръ славянской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Военно-морской отдѣлъ (съ картами). 10) Запросы, письма въ редакцію и др.

Въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Еженедѣльникъ выходитъ размѣромъ 2 печати. листа in 4°, ежемѣсячники отъ 7 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедѣльника вмѣстѣ съ приложеніями на 1916 г. съ перес. и достав. на домъ 9 р. на 1/2 г. — 5 р. на 1/4 г. — 3 р., за границу — 11 р.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и для рабочихъ при непосредствен. обращеніяхъ въ главную контору допускается скидка: на годъ — 7 р., на 1/2 г. — 4 р., на 1/4 г. — 2 р. 50 к.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 25 к., ежемѣсячника 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостинный дв., Суконая лин., 19), въ конт. „Вечерняго Времени“ (Невскій пр., 52), въ желѣзно-дорожныхъ кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ у газетчиковъ, въ Пассажахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:
ПЕТРОГРАДЪ, Преображенская, д. 13, кв. 8;
телефонъ 612-86.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Открыта подписка на 1916 годъ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

11-й **РЪЧЬ** 11-й
годъ изданія. годъ изданія.

издаваемую въ Петроградѣ

И. И. Петрункевичемъ,

при ближайшемъ участіи

П. Н. Милюкова и І. В. Гессена

и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РЪЧЬ“ на 1916 годъ, внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ за 1/2 года, будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО**

Ежегодникъ газеты „РЪЧЬ“

на 1916 г.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОЙНѢ.

Время разсылки „Ежегодника“ будетъ зависѣть отъ хода военныхъ событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ 1-го января 1916 г. на:

	12 м.	9 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи . Р.	14.—	11.—	7.50	6.50	5.25	4.—	2.75	1.40
За-границу . Р.	24.—	19.—	13.—	11.—	9.—	7.—	4.75	2.40

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеръ въ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м. — 10 р. 50 к., на 9 м. — 8 р. 25 к., 6 м. — 5 р. 50 к., 3 м. — 3 р., 1 м. — 1 р. 05 к.

Адр. главн. к-ры газеты „РЪЧЬ“: Петроградъ, Ул. Жуновскаго, 21-104

Пробныя №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія
высылаются бесплатно.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 132-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми

Аркадій Аверченко.

О МАЛЕНЬКИХЪ--ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 60 коп.

Тэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Буховъ.

ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

СЪ КѢМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.

Текстъ: — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

ОСИНОВЫЙ КОЛЪ

НА МОГИЛУ ЗЕЛЕНАГО ЗМІЯ.

Текстъ: Арк. Аверченко, Арк. Бухова, Исид. Гуревича, А. Рославлева, Тэффи.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Письмовникъ „Новаго Сатирикона“.

Текстъ: — Арк. Аверченко, Арк. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Е. Дальскаго, Г. Ландау.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ФИЗИОЛОГІЯ И АНАТОМІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Приложеніе:

ПСИХОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА.

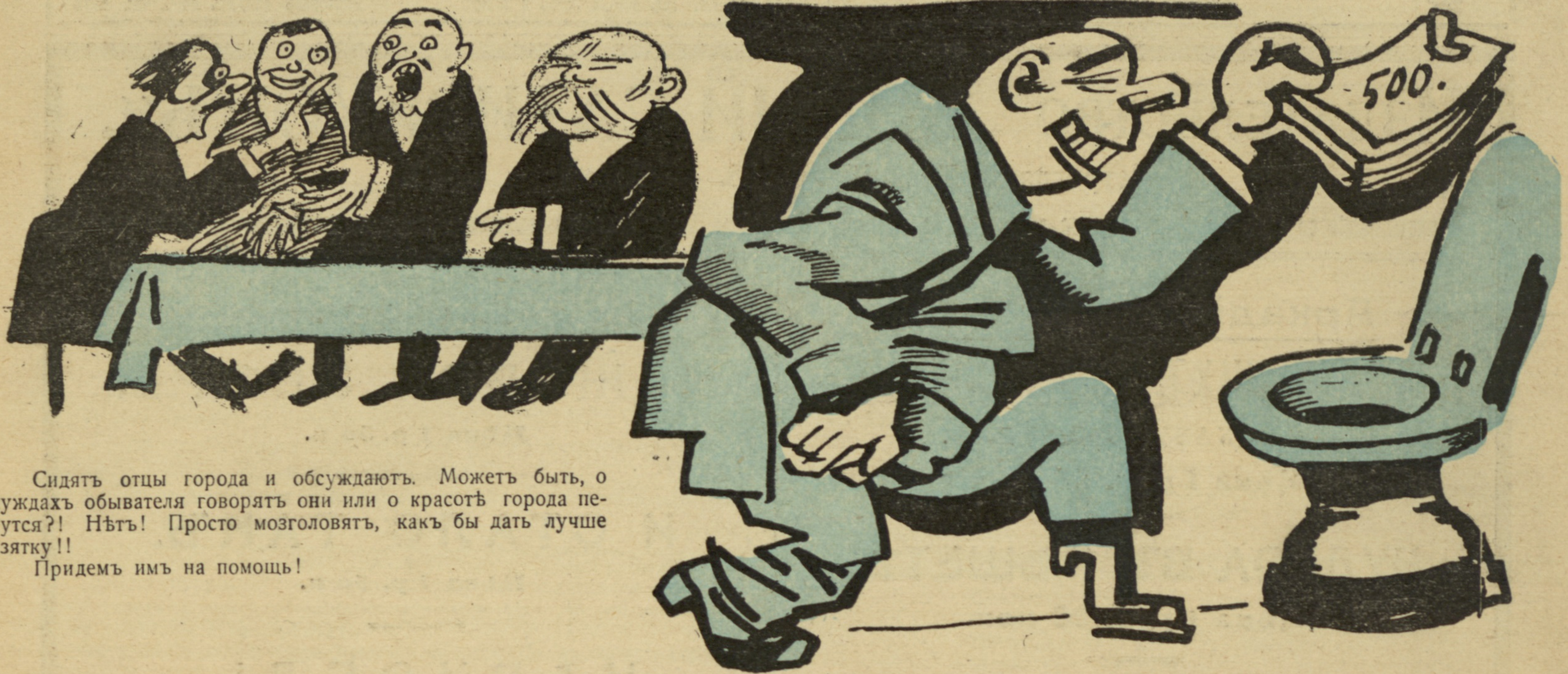
Составлено по источникамъ и такъ: Арк. Аверченко, Арк. Буховъ, Георгій Ландау, Н. А. Тэффи. Иллюстр. Н. А. Тэффи.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Въ Московской думѣ обсуждался вопросъ о томъ, какъ и кому дать взятку для того, что бы получить достаточное количество вагоновъ для провозки необходимыхъ товаровъ. Гласный Шмаковъ сказалъ, что онъ можетъ это устроить черезъ своихъ „молодцовъ“.

(Изъ газеты).

Рис. А. Радакова.

Сидятъ отцы города и обсуждаютъ. Можетъ быть, о нуждахъ обывателя говорятъ они или о красотѣ города пекутся?! Нѣтъ! Просто мозголювятъ, какъ бы дать лучше взятку!!

Придемъ имъ на помощь!

Узнавъ, у кого изъ взяточниковъ разстроены желудокъ, повѣсить ему вмѣсто пипифакса, 500-рублевые билеты. Это гигиенично, деликатно и достигаетъ нужнаго результата.

Хорошо тоже, загрировавшись добрымъ духомъ (г. Шмакову это легко — лицо у него очень честное и доброе), положить подарочки въ ботинки гг. взяточниковъ. Конечно, Шмакова они не узнаютъ.

Очень рекомендуемъ того же г. Шмакова подбросить самого себя въ корзиночку къ дверямъ г. взяточника съ такой записочкой, — „добрые люди, страшная нужда заставила меня подбросить вамъ ребенка. Не крещень“.

Очень хороший способъ слѣдующій. Нарядившись кокеткой Шмаковъ заманиваетъ взяточника въ отдѣльный кабинетъ и тамъ отдаетъ взяточнику деньги, мотивируя этотъ поступокъ желаніемъ начать новую честную жизнь и желаніемъ отдать деньги на бѣднѣхъ инженеровъ.

Замаскировавъ хорошенько гюрму, взятокодателя приманиваютъ взятокодателя пачкой денегъ. Послѣ того, какъ они благополучно войдутъ въ тюрьму, ворота быстро захлопываются какъ за взятокодателями, такъ и за взятокодателями.

Послѣдній способъ, особенно рекомендуемъ!